

Середина сентября в Чанъани уже принесла с собой дыхание осени.

Трава и деревья на военном плацу начали желтеть, один за другим налетали порывы осеннего ветра, а ЦАО Шу громовым голосом, изо всех сил напрягая связки, командовал тренировкой солдат.

Строевая подготовка и учения начались ещё семь дней назад.

Получив согласие Вэй Чжана, Сюй Инбай сначала согласовал с Министерством финансов выделение необходимого продовольствия и жалования, а затем разослал письма остальным по-прежнему преданным центральному правительству областям и городам, требуя стянуть войска в Чанъань.

В довершение всего он ласковыми увещаниями искусно убедил Вэй Чжана отказаться от мысли проводить политику урезания уделов, а также щедро одарил удельных князей, тем самым хоть как-то умирив затевавших недоброе правителей на местах.

Ещё в прошлой жизни Сюй Инбай прекрасно изучил этих удельных князей: стоило лишь не затрагивать их личные интересы, как они тут же закрывали на всё глаза.

Большинство людей устроены именно так: пока беда не угрожает им самим, кому есть дело до того, что мир захлестывают волны всеобщего хаоса?

Когда всё было готово, Сюй Инбай по приказу приступил к тренировкам набранных со всех концов новобранцев.

Однако теперь Сюй Инбай носил звание сановника, помогающего в управлении государством, и одновременно занимал пост великого наставника. Он был настолько загружен делами, что земля буквально горела у него под ногами, и ему пришлось временно перепоручить все заботы по обучению войск ЦАО Шу.

ЦАО Шу обладал талантами как в гражданском, так и в военном деле. В своё время он с первой попытки с блеском сдал военные экзамены. Изначально он стремился стать полководцем, чтобы защищать мир и покой в родных краях, однако в Министерстве чинов его определили лишь переписывать книги в Академии Ханьлинь. Проведя там за перепиской целых шесть лет, он наконец вырвался из стен Ханьлиня и поступил в Министерство военных дел на должность младшего чиновника в Управлении воинского учёта.

Именно поэтому Сюй Инбай со спокойным сердцем доверил новобранцев ЦАО Шу.

Не успел он договорить, как один из ветеранов отвесил ему пинка и со смешком отчитал:

Куда ты свои глаза пялишь! Какой еще болезненный хилак! Это же наш господин великий

наставник!

В глазах чиновников двора ЦАО Шу неизменно считался человеком Сюй Инбая.

ЦАО Шу уже поспешил навстречу и отдал приветственный поклон:

Господин великий наставник.

Чжунчжи — таково было второе имя ЦАО Шу.

Но когда он поднял глаза в поисках этого взгляда, тот внезапно исчез. Пока ЦАО Шу пребывал в растерянности, голос Сюй Инбая зазвучал снова:

Брат Чжунчжи, я пришёл сюда сегодня не только для того, чтобы взглянуть на новобранцев, но и сказать тебе кое-что: я хочу сформировать отборное войско.

Брат Чжунчжи, к чему эти излишние церемонии, зови меня просто Инбаем, — Сюй Инбай одной рукой поддержал ЦАО Шу за локоть. — Брат Чжунчжи, в последнее время тебе пришлось нелегко, ты сильно устал.

ЦАО Шу прекрасно умел муштровать солдат и вести их в бой на врага. Проведя бок о бок с ним те четыре месяца совместных сражений, Сюй Инбай понял, что перед ним — редкий природный талант полководца.

Осенняя погода выдалась прохладной. Сюй Инбай был одет в повседневное платье, поверх которого накинул серо-голубой плащ, а шею обвивал пушистый белоснежный мех.

Впоследствии, когда началась война между Уцзюэ и Великой Цзинь, Сюй Инбай назначил его своим заместителем, и они вместе отправились на границу. Заслуги ЦАО Шу в отражении врага принесли ему по возвращении в Чанъань титул заместителя министра военных дел и дополнительное звание средниканцзюня Цзиньвувэй, благодаря чему он наконец громко заявил о себе при дворе.

После почти двух часов непрерывных упражнений новобранцы выбились из сил и покрылись градом пот, и ЦАО Шу, проявив милосердие, объявил перерыв.

Только ЦАО Шу договорил, как почувствовал, что в него впился чей-то острый, полный пристального внимания и опасный взгляд.

ЦАО Шу на мгновение растерялся:

Отборное войско?

Кто-то из новобранцев тоже заметил его и во все глаза уставился на вошедшего, удивленно выдохнув:

Откуда на плацу этот писанный красавец-хилак?!

Ох... Несколько новобранцев испуганно ахнули. В их воображении неуловимый и загадочный великий наставник должен был обладать мощным торсом, суровым волчьим взглядом и устрашающим видом, а вовсе не походить на прекрасного книжника, сошедшего с небес небожителя.

Хотя ему и пришлось пережить немало испытаний, по сравнению с другими чиновниками, которые по семь-восемь лет прозябали на незначительных должностях, его карьерный путь складывался вполне гладко.

Тут ЦАО Шу повернулся и увидел Сюй Инбая.

Лицо ЦАО Шу прояснилось. Он обладал прямолинейным нравом и вовсе не стал отпираться от слов Сюй Инбая:

Всё в порядке. Но если говорить об усталости, то тебе, брат Инбай, приходится куда тяжелее.

Правда, министр военных дел Фу Байси так и не оценил его по достоинству.

Тем не менее, ЦАО Шу искренне считал, что они с Сюй Инбаем — друзья.

Однако, учитывая масштаб его талантов, Сюй Инбай всё равно находил его положение незаслуженным.

Да, — произнес Сюй Инбай. — У князя Су есть Северная армия, у Нин-вана — Конная гвардия, у Ци-вана — Тринадцать страж; Ли И из Ичжоу и Янь Шичин из Сучжоу также держат собственные гарнизоны. И лишь в Чанъани нет абсолютно ничего. Нам необходима армия, которая станет беспрекословно подчиняться нам.

ЦАО Шу вздохнул:

Но в нашем распоряжении по-прежнему остаются гвардия Цзиньвувэй и Императорская стража.

Цзиньвувэй истощена и обессилена, а Императорская стража распущена и своевольна, —

возразил Сюй Инбай. — Те четыре месяца на границе открыли тебе глаза на правду. К тому же все они — люди не наши.

Мир несовершенен, и без собственной армии мы обречены стать жертвами чужих расправ. Что же касается императора и сановников двора... — янтарные глаза Сюй Инбая устремились к далёким горным вершинам. — Ты ведь и сам всё понимаешь, иначе не прозябал бы целых шесть лет в Академии Ханьлинь, позволяя жемчужине пылиться в грязи.

ЦАО Шу хранил молчание, но спустя мгновение вымолвил:

Ты прав.

Брат Чжунчжи, мы должны заблаговременно подготовиться ко всему, — голос Сюй Инбая звучал спокойно, но каждое его слово весило невероятно много. — Нынешний центр империи подобен рассыпавшемуся песку, в то время как регионы набирают силу. Ты можешь поручиться, что среди них не найдется тех, кто вынашивает изменнические замыслы?!

Брат Инбай, — промолвил ЦАО Шу, — неужели, формируя отборное войско, ты хочешь искоренить удельных князей ради Великой Цзинь и Его Величества?

Нет, — твердо ответил Сюй Инбай. — Ради мира и спокойствия во всей Поднебесной.

Именно это составляло главную сердечную боль Сюй Инбая в его прошлой жизни. Его стремления вовсе не лежали в плоскости борьбы за власть, однако его неизменно терзали бесконечные запутанные интриги. Он искренне полагал, что даже при посредственности Вэй Чжана, стоит лишь наступить всеобщему миру, как тот сможет проявить себя как заурядный, но надежный правитель, сохраняющий наследие предков.

Но Вэй Чжан собственной рукой убил сановника, призванного беречь его трон.

Он не верил Сюй Инбаю.

Именно поэтому в нынешней жизни Сюй Инбай нанесет удар первым.

В то же время Сюй Инбай прекрасно осознавал: хотя он и вернулся в прошлое, сохранив память минувших дней, и в грядущем году ему предстоит столкнуться с мятежами, покушениями и множеством других испытаний...

Однако ничто в этом мире не остается неизменным. Каждая причина порождает свое следствие, и помимо воли небес существует лишь человеческий умысел. Его собственное перерождение уже незаметно изменило многое, а потому, несмотря на знание будущего, ни в коем случае нельзя терять бдительность.

Он сам изменился, а значит, его враги способны измениться точно так же.

Следовательно, оставалось лишь заранее готовиться к любому исходу.

Брат Чжунчжи, когда ты сдавал военные экзамены, разве не ради мира на родной земле ты стремился к этому?

ЦАО Шу на мгновение замер, а затем вздохнул:

Если бы ты не напомнил, я бы и сам почти забыл об этом.

Тогдашний ЦАО Шу, полный юношеского задора и дерзких надежд, явился в Чанъань, искренне веря, что сможет совершить великие дела: мчаться с мечом наперевес, покрыть себя неувядающей славой и заслужить бессмертные заслуги. Но политическая атмосфера при дворе Великой Цзинь оказалась серой и удушливой, давящей на грудь так, что невозможно было вздохнуть полной грудью.

При дворе безраздельно властвовали евнухи; глава Директории ритуалов Лю Ман фактически превратился во второго императора, а левый канцлер Фан Руи всецело примкнул к клике евнухов, превратив весь императорский совет в место, где звучало лишь одно мнение. Местные князья перестали подчиняться приказам еще во времена правления покойного императора Юди, и теперь лишь ждали искры, чтобы пламя вспыхнуло разом, заставив их нанести удар в спину.

Проходя по тонкому льду таких будней, многие давно позабыли о своих изначальных устремлениях.

Когда мы вместе с тобой направлялись к границе, путь от Чанъани до Цзяюя пролегал через тысячи ли дорог, усеянных беженцами и мертвыми от голода телами, — ресницы Сюй Инбая чуть дрогнули, словно воспоминания причиняли ему боль. — Скажи, разве такую Поднебесную ты мечтал увидеть?

Конечно же нет!

Тогда, брат Чжунчжи, — Сюй Инбай протянул руку. — Пойдешь ли ты со мной?

Успокоить Поднебесную и покрыть себя славой.

Сюй Инбай пристально смотрел на ЦАО Шу.

Он отлично знал характер ЦАО Шу: тот не принадлежал к числу таких людей, как Лю Ман или Фан Руи, которых можно было подкупить деньгами или сломить угрозами власти; в отличие от

Фу Линъи из его прошлой жизни, его не требовалось умирять жесткими, чрезвычайными методами, чтобы добиться покорности... ЦАО Шу ценил верность и справедливость, в его груди горело стремление совершить великие деяния. Подобного человека можно было растрогать лишь искренностью.

Тем временем ЦАО Шу смотрел на протянутую руку — чистую, изящную, с тонкими суставами, словно принадлежавшую изнеженному отпрыску знатного семейства. Но на деле хозяин этой руки обладал непреклонной волей идти до конца и решимостью сжечь за собой мосты.

Столь искренний и отважный человек определенно стоил того, чтобы следовать за ним.

ЦАО Шу тяжело вздохнул и протянул руку, скрепив обещание хлопком ладони о ладонь:

Конечно!

Впрочем, помимо тренировки войск, у меня есть еще одна просьба к брату Чжунчжи, — в глазах Сюй Инбая промелькнул слабый свет. — Я бы хотел отобрать среди этих новобранцев несколько надежных парней себе в личную охрану. Лучше всего сирот — надеюсь, это не составит труда.

Разумеется, это было проще простого. В конце концов, Вэй Чжан возложил на Сюй Инбая единоличное руководство всеми вопросами приема и отсева новобранцев, так что найти пару телохранителей не представляло никакого труда. ЦАО Шу с легким сердцем дал согласие.

После этого он отдал приказ подчиненным выстроить в шеренги лучшие по боевым показателям отряды солдат.

Сюй Инбай слегка повернул голову и бросил взгляд на стоявшего за его спиной Фу Линъи:

Иди выбирай.

Тот, кто выдержит три моих удара, прошел проверку.

Не нужно набирать слишком много, тридцати человек вполне достаточно.

Слушаюсь. — Раздался низкий голос.

Только теперь ЦАО Шу осознал, что позади Сюй Инбая все это время кто-то находился.

Человек в пурпурно-золотой маске скромно держался позади Сюй Инбая, полностью скрыв свое присутствие. Его угольно-черные волосы были собраны в высокий хвост, а голова слегка

опущена; единственной деталью, бросавшейся в глаза, были чуть покрасневшие уголки его узких, раскосых глаз, отчего он казался даже послушнее и кротче домашнего кролика.

Он направился прямо к выстроившимся новобранцам.

Мысленно ЦАО Шу задался вопросом: и этот человек... вообще умеет драться?

Не успела эта мысль завершиться, как ЦАО Шу увидел, как мощного, широкоплечего и рослого новобранца сокрушительным ударом ноги с разворота швырнуло на землю!

Поднялась целая буря из пыли и песка, а в ушах отчетливо зазвучал хруст ломающихся ребер...

ЦАО Шу: «.....»

Воистину, среди окружения Инбая скрываются поистине скрытые драконы и затаившиеся тигры, подумал ЦАО Шу: сначала ученица Се Цзинвэй, которая еще в двенадцатилетнем возрасте осмеливалась в одиночку отправляться на поиски людей прямо посреди поля боя, а теперь вот этот с виду безобидный и покорный телохранитель, который одним ударом ноги поверг наземь здоровяка, превосходившего его по массе в два раза.

Сюй Инбай едва заметно нахмурился и отдал приказание:

Бей мягче.

Фу Линъи обернулся и мягким, послушным голосом ответил:

Слушаюсь.

Однако стоило ему вновь повернуться к новобранцам, как он мгновенно преобразился: от него повеяло мрачной кровожадностью, свирепое выражение лица исказилось жестокостью, и он небрежно указал пальцем на одного из стоявших в строю:

Ты. Выходи.

Новобранец с трепетом вышел вперед.

Отбор продолжался с самого утра и до вечера, и в конце концов тридцать человек были набраны.

Попрощавшись с ЦАО Шу, Сюй Инбай вместе с тридцатью новобранцами и Фу Линъи направился обратно в резиденцию великого наставника.

Его плащ так и остался лежать на каменном столе — он просто забыл его взять. Осенний ветер свистел ледяными порывами, и Фу Линъи заметил, как порыв ветра взметнул пряди волос Сюй Инбая, обнажив полоску бледной кожи на его шее.

Сюй Инбай сделал пару шагов, как вдруг почувствовал приятное тепло — плащ аккуратно лег ему на плечи.

Он протянул руку, запахнув полупалантина, и равнодушным тоном бросил:

Благодарю.

Они шли по направлению к выходу из плаца, причем Фу Линъи неотступно следовал на расстоянии нескольких шагов позади.

За те полтора месяца, что они провели вместе, между ними установилось хрупкое, зыбкое равновесие: Сюй Инбай продолжал внимательно наблюдать за Фу Линъи, в то время как тот с беспрекословной покорностью выполнял любые приказы своего господина.

В конце концов, он дал слово, что будет слушаться.

Сейчас, шагая позади Сюй Инбая, он почти с жадностью вглядывался в его спину, глазами вырисовывая каждую черту его силуэта.

Он не видел этого человека уже очень, очень давно...

И потому даже теперь, спустя почти полтора месяца постоянного нахождения рядом, ему порой казалось, будто человек перед ним — всего лишь хрупкий сон, который рассеется от малейшего прикосновения.

А стоит сну растаять — и он больше никогда его не увидит.

Сюй Инбай же не имел ни малейшего понятия о том, что творится в голове у Фу Линъи — или, вернее сказать, ему было совершенно всё равно.

Они вдвоем подошли к ожидавшему их экипажу.

Сюй Инбай невзначай поинтересовался:

Понимаешь ли ты, зачем мне понадобились эти люди?

Фу Линъи поднял глаза и с абсолютной уверенностью ответил:

Ты хочешь сформировать собственный отряд скрытой стражи.

Голос Сюй Инбая звучал безмятежно:

Верно.

Я дорожу своей жизнью, — произнес Сюй Инбай. — И умирать раньше времени не намерен.

В глазах Фу Линъи мелькнул недобрый огонек, и его рука сама собой скользнула к висевшему на поясе длинному кинжалу, чьи ножны были измазаны в вьевшейся застарелой черно-красной крови.

Но в следующее мгновение он резко отдернул руку — потому что Сюй Инбай уже поднимался в повозку.

Сюй Инбай легко оперся о запястье Фу Линъи и без труда взобрался внутрь экипажа.

В самый последний миг, прежде чем опустилась занавеска, Фу Линъи бросил взгляд на пальцы Сюй Инбая, всё еще касавшиеся края плотной ткани.

Его кадык судорожно дернулся вверх-вниз, и ему стоило невероятных усилий подавить внезапный порыв протянуть руку и сжать эти холодные кончики пальцев.

После этого Фу Линъи легко запрыгнул на козлы и, взявшись за вожжи, направил повозку в сторону резиденции великого наставника.

<http://bllate.org/book/18659/1798828>